

УДК 81'37

UDC

DOI: 10.17223/18572685/48/15

СЛАВЯНСКИЙ МИР В ПИСЬМАХ А.В. СУВОРОВА

И.Я. Конончук¹, Ю.В. Филь²

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: ineskon@mail.ru

²E-mail: 2fil@inbox.ru

Авторское резюме

Рассматривается отображение славянского мира второй половины XVIII в. в письмах русского полководца А.В. Суворова. О высоком статусе этой личности в истории России свидетельствуют его военная деятельность, в том числе участие в военных кампаниях в Германии, Польше, Швейцарии, Турции, на Кубани, в Крыму, в подавлении восстания в Польше, в конвоировании Пугачева, а также незаурядные способности Суворова: знание математики, философии, истории, владение немецким, французским, итальянским, польским, турецким языками. Авторы статьи исходили из предположения, что в письмах Суворова как внимательного свидетеля (и непосредственного участника) сложного периода в истории славянских государств нашли отражение как славянские реалии, так и рефлексия полководца по поводу них, позволяющая дополнить наши знания о славянском мире XVIII в. Анализ писем А.В. Суворова показывает, что славянский мир представлен в них через: 1) обращение полководца к темам военных кампаний и воинской службы в целом, его общение с представителями разных славянских народов; 2) активное упоминание славянских географических реалий (городов, сел, рек, а также рельефа местности, погоды) и их описание; 3) обращение к русским, польским и другим славянским адресатам; 4) указание на многочисленные славянские персоналии (как отдельные личности, так и народы в целом), их сравнение и оценивание в личностном, социальном, общечеловеческом (реже национальном) контексте. В эпистолярной Суворова также нашло отражение влияние на русский язык польского, которое проявилось в использовании заимствованных из него единиц.

Ключевые слова: языковая личность, А.В. Суворов, эпистолярный Суворов, славянские реалии, заимствования из славянских языков.

SLAVIC WORLD IN A.V. SUVOROV'S LETTERS

I.Ya. Kononchuk¹, Yu.V. Fil²

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: ineskon@mail.ru

²E-mail: 2fil@inbox.ru

Abstract

This paper focuses on the depiction of the Slavic world of the second half of 18th century in the letters by Russian general A.V. Suvorov. Suvorov achieved a high status in Russian history due to his military deeds and activities, in particular his participation in the military campaigns in Germany, Poland, Switzerland, Kuban and Crimea, including the riot suppression in Poland and convoying Pugachev. He was also famous for remarkable knowledge of mathematics, philosophy, history, German, French, Italian, Polish and Turkish. As Suvorov was a thoughtful witness (and direct participant) of many events in the history of Slavic states, the authors assumed that Suvorov's letters might contain both Slavic culture-specific elements and his introspection on them, which can enhance our knowledge about the Slavic world in the 18th century. The analysis of Suvorov's letters has shown that the Slavic world is represented in them by means of: 1) address to the topics of military campaigns and military service in general, Suvorov's communication with people of different Slavic nationalities; 2) active use of Slavic geographical realities (cities, villages, rivers as well as local topography and weather) and their description; 3) appeal to Russian, Polish and other Slavic addressees; 4) indications of the numerous Slavic personalities (both individuals and nations), their comparison and evaluation in personal, social and universal (rarely national) contexts. Suvorov's epistolary also reflects the influence of Polish on the Russian language, which is manifested in the use of borrowed Polish units.

Keywords: linguistic person, A.V. Suvorov, Suvorov's epistolary, Slavic realities, borrowings from the Slavic languages.

Языковая личность Александра Васильевича Суворова характеризуется особым статусом в истории России второй половины XVIII в. Об этом свидетельствуют его военная и военно-теоретическая деятельность, прекрасное знание математики, философии, истории, европейской культуры и литературы, владение немецким, французским, итальянским, польским, турецким, частично арабским, персидским и финским языками. Участие в военных кампаниях в Германии, Польше,

Швейцарии, Турции, Италии, на Кубани, в Крыму и в других походах сопровождалось неустанным, пристальным вниманием полководца к особенностям быта, культуры, языка представителей разных национальностей. Это отразилось в его эпистолярном наследии. В отечественной науке описана длительная история сбора суворовского эпистолярия (В.А. Алексеев, М.И. Антоновский, П.И. Бартенев, С.Н. Глинка, Г.П. Данилевский, Н.М. Коробков, В.А. Левшин, В.С. Лопатин, Г.П. Мещеряков, Н. Рыбкин, Е.Б. Фукс) и его изучения в историографическом и биографическом направлениях (Д.А. Милютин, П.М. Сакович, С.Н. Глинка, А.Ф. Петрушевский), в аспекте исследования военной и научно-педагогической деятельности русского полководца (М.И. Драгомиров, Н.Ф. Дубровин, Н.А. Орлов, А.Н. Петров и др.). Представлены и немногочисленные работы, рассматривающие письма А.В. Суворова как источник для собственно лингвистических исследований (И.А. Вотякова, И.Я. Конончук, О.В. Никитин).

Обращение к суворовскому эпистолярию представляется научно продуктивным и в другом аспекте: оно дает возможность посмотреть на славянский мир второй половины XVIII в. глазами конкретной языковой личности. При этом именно частная (а также деловая) переписка зачастую характеризуется как наиболее объективный, не подверженный общей цензуре авторитетный источник лингвоперсонологии, исторической лексикологии и т. п. Так, в письмах русского полководца широко представлены славянские и другие реалии эпохи и мнение Суворова о них; данные письма хранят следы узнавания, понимания и притяжения / неприятия отдельной личностью национальных особенностей славян в целом и конкретных исторических личностей того времени, событий, с ними происходивших, в частности.

Следует отметить, что на данном этапе лингвоперсонологические исследования обращены к изучению не только современных языковых личностей, но и исторических (Иванцова 2005), характерных для определенного временного периода, обусловленных общими социокультурными и языковыми чертами этого периода (см. работы о языковой личности позднего Средневековья Л.П. Рупосова; писца деловой письменности XVIII в. И.А. Малышевой; личности князя А.М. Курбского В.В. Калугина; князя Воронцова Е.В. Барсуковой, Ф.М. Достоевского Е.М. Залогойной и др.). В результате исследований подобного плана получены сведения, позволяющие уточнить представление о языке соответствующего временного периода, а также об экономике, политике, культуре эпохи, в конечном счете – о картине мира определенной языковой личности.

Это относится и к А.В. Суворову, содержание писем которого (их тематика, спектр адресатов, упомянутые персоналии, зафиксирован-

ные реалии и языковые особенности) является отражением не только личности самого полководца, но и исторической личности второй половины XVIII в. Для этого периода характерны значительные перемены практически во всех областях: в экономике (высокий рост производственных, торговых, культурных связей России с другими странами и становление морского дела), политике (многочисленные военные кампании и передел границ России, Польши, Турции и т. д.), культуре (активное книгопечатание, развитие письменной традиции в целом, появление первых словарей и грамматик), языке (массовые заимствования, многоязычие, ломка и замена языковых норм в разных подсистемах (Биржакова 1972)). Мы исходили из гипотезы, что исследуемая языковая личность (прежде всего, в силу своей военной деятельности) должна была отразить в письмах многочисленные контакты с представителями разных народов, мнение о них, их национальных особенностях. Анализ писем Суворова позволит описать славянский фрагмент картины мира русской личности второй половины XVIII в., его рефлексии по поводу места русского человека в истории славянских государств.

Не останавливаясь подробно на уже описанных особенностях языковой личности А.В. Суворова, свидетельствующих о его широком кругозоре, образности мышления, свободном владении средствами не только родного, но и других языков, проявляющемся в широком спектре используемых лексических и стилистических средств языка, новаторстве в обращении с иноязычными единицами, используемыми им наряду с русскими для обозначения реалий жизни, яркой способности к языковой игре (Конончук 2007; Никитин 2004), обратимся к тому фрагменту картины мира русского полководца, который связан с его представлением о славянском мире.

Прежде всего, отметим ряд тем, раскрывая которые, А.В. Суворов обращается к славянской тематике:

- служба в Казанском, Астраханском, Суздальском и других полках и общение с сослуживцами разных славянских национальностей;
- назначение начальником русских войск в Люблинском районе с последующим участием в военных действиях в Польше против Барской конфедерации;
- прошение перед властью имущими за польских офицеров, оказавшихся в плену;
- служба в обсервационном корпусе, Первой армии, в том числе на Дунае, строительство оборонительных сооружений против турецких войск;
- обсуждение вопросов честности и казнокрадства при выделении средств на армейские и другие расходы;

- участие в сражении против турецких войск при Козлудже;
- преследование остатков войск Емельяна Пугачёва после его решающего сражения с отрядом И.И. Михельсона и конвоирование Пугачёва в Симбирск;
- служба в Крымском и Кубанском корпусах, укрепление позиции русских войск в Крыму;
- руководство укреплением обороны Кинбурн-Херсонского района, строительство укреплений на Тамани, в Крыму, по Днестру, на Черном море, обсуждение хода строительства и финансирования укреплений;
- поход на Брест, наступление на Варшаву, взятие Праги – предместья Варшавы;
- командование армией на юге России со штабом в Тульчине;
- пребывание в Праге по пути в Краков (Суворов 1986).

Типичным примером письма полководца можно считать письмо к Д.И. Хвостову (1792 г.), в котором А.В. Суворов характеризует участников европейского противостояния, говоря о том, что король Станислав Август переходит на сторону конфедерации, Пруссия за часть Польши выставляет свои войска против Франции, у России с Пруссией заключен договор: *«Марсовы дела польские кончены, и король приступает к Конфедерации... Кутузов с 18 000 к французам, кои уже в Польше отделены... С Королем прусским утвердительный трактат....Россия возведена на высшую степень. Великая Монархиня вечна»* (Суворов 1986: 235).

Список тем суворовского эпистолярия, отражающих представления данной исторической личности о славянском мире, не ограничивается перечисленными, отдельные высказывания о нем можно встретить и в письмах на иные темы:

- обсуждение дел в поместье и торговых сделок;
- отдельные хозяйственные распоряжения;
- переписка с друзьями и дочерью по поводу ее замужества и др.

Славянская составляющая эпистолярия проявляется в умелом включении Суворовым в текст русскоязычных писем отдельных фрагментов на польском языке. Одно из них отмечено в письме 1773 г. А.С. Милорадовичу: *«Не оставь, братец, милостию своей Максимовича. **Calue ziemka kohanego** Як[ова] Вас[ильевича]»* (=Крепко целую любезного Якова Васильевича) (Суворов 1986: 33).

При анализе писем прежде всего в фокусе исследовательского внимания оказываются **наименования славянских географических реалий**, отобранные из исследуемого эпистолярия (690 писем преимущественно военной тематики). Сам жанр письма предполагает указание места нахождения адресанта, при этом письма военного человека, меняющего свое местоположение, описывающего те или

иные места, где он находится, содержат значительное количество наименований географических объектов, которые в данном случае представлены русскими, польскими, украинскими, болгарскими, чешскими (и моравскими) топонимами. Это *Польша* и польские города и селения *Познань*, *Прага*, *Варшава*, *Люблин*, *Сендомир*, *Пулав*, *Кельце*, *Седлице*, *Коцк*, *Вильна* (современный Вильнюс), *Ковно* (современный Каунас), *Бялосток* (*Белосток*), *Гродно*, *Слоним*, *Крупчиц*, *Бржесц* / *Брежст* (современный Брест), *Завихост* и др.; чешская *Прага*; украинские *Красностав*, *Херсон*, *Екатеринослав* (современный Днепропетровск), *Елисаветград* (современный Кировоград), *Тульчин* (Винницкая область), *Килия* (Одесская область), *Одесса*; болгарские *Болгария*, *Силистрия* (Силистрия), *Козлуджа*; современные белорусские *Несвиж*, *Шклов*, а также *Кубань*, *Севастополь*, *Керчь*, *Ботня* (Тульская область), *Красное Село*, *Смоленск*, *Сызран* (Сызрань), *Яиц*, *Санкт-Петербург*, *Москва* и т. д.

Как показывает анализ писем Суворова, по вполне объективным причинам, связанным с его военной деятельностью, преобладающее большинство славянских реалий, описываемых полководцем, являются польскими. Однако славянские географические объекты представляют для Суворова непрерывный континуум вместе с соседними молдавскими, румынскими, французскими, австрийскими, немецкими, финскими, шведскими объектами:

– И.И. Веймарну, 1770 г.: «*Et transportez-moi à Posen; c'est là mon poste d'honneur!*» / «*Меня же Вы переведите в Познань, – мое место там, клянусь честью!*» (Суворов 1986: 15, 17);

– П.А. Румянцеву, 1794 г.: «*Остерегаясь малейшего раздробления так, что, занимая от Несвижа – Вильну, Ковну, Гродну, Бялосток с Слонимом, – Варшава не получила бы прокормления с правого боку Вислы*» (Суворов 1986: 278);

– П.И. Турчанинову, 1792 г.: «*На маневрах под Красным Селом вошел и вышел скорым маршем без больных и мертвых; тож из Ладоги в Смоленск... От корпуса за Дунаем до Козлуджи 3 недели, больных отправлять назад было некого, и все живы... От Копыла с корпусом быстрым маршем за Кубань и Лабу; умер один*» (Суворов 1986: 244).

Особое значение для Суворова, в том числе как для военного человека, имеют **реки** – *Лаба*, *Двина*, *Дунай*, *Висла*, *Нева*, *Таргун* и др. Данные единицы выполняют в эпистолярной не только номинативную функцию, маркируя границы современного Суворову мира, но и характеризующую: полководец наделяет их особыми коннотативными смыслами. Особенно ярко это проявляется в письмах Суворова к близким ему адресатам, как, например, в письме 1772 г. Александру Ильичу Бибикову, военному деятелю, главнокомандующему войсками в

борьбе с польскими конфедератами, непосредственному начальнику Суворова, к которому последний относился с особым уважением и проявлением дружеских чувств: «*La Dwina ne m'est plus un fleuve d'oubli comme je regardais le Danube dans un autre tems. Je chéris la Vistule puisque Vous y êtes, et je serai plus attaché à la Newa si Vous y sériés*» / «**Двина** не служит уж мне рекою забвения, каковой некогда почитал я **Дунай**. Люблю **Вислу** потому, что Вы там, а еще сильнее был бы привержен к **Неве**, когда б Вы там находились» (Суворов 1986: 24).

Славянский мир в письмах А.В. Суворова раскрывается и в описании **рельефа местности, ее географических характеристик, погоды** через описание бесконечных военных походов, отдельных сражений и военной службы в мирное время; сама природа может помогать или мешать в военном походе:

– И.И. Веймарну, 1770 г.: «*Висла ныне очень мелка, и между Сендомира и Пулав в разных местах можно переправлятьца вплавь и почти вброд*» (Суворов 1986: 11) (Польша);

– Н.А. Зубову, 1796 г.: «*Чрез Шклов до света 14 ч. марта мы рассеялись на пути по недостатку лошадей, порче повозок, по переменной зимней и летней худой дороге*» (Суворов 1986: 302) (Могилевская область);

– А.И. Набокову, 1769 г.: «*Représentez Vous le village Orechow comme une espèce de citadelle, les flancs couverts par des bois marécageux, le dos d'un gros étang et le front par un long défilé où il y a avoit trois ponts...*» / «**Вообразите деревню Орехов** – своего рода цитадель: **фланги прикрыты болотистыми лесами, тыл большим прудом, а фронт длинным дефиле, через кое перекинуты три моста**» (Суворов 1986: 9–10) (Брестская область);

– И.И. Веймарну, 1770 г.: «*Около Покрова будет не жарко, а грязнее, мокрее и следнее, они будут обсушатца в избах, и легче на них нападуть отсюда по Пилице и к Кельцу. А тяжелее им будет из-за гор отвечать и между Сендомира и Пулав переправлятьца. Пуще всего не хочетьца мне, чтобы они появились между Красностава и Рубешева из-за Любашевских лесов*» (Суворов 1986: 11–12) (Польша).

Несмотря на частую непогодицу, славянская природа ближе Суворову, чем чужая:

– П.И. Турчанинову, 1792 г.: «*Лес здесь против Финляндии почти вдесятеро, много в сравнении сего по драгоценности, кроме что в приобретенной области*» (Суворов 1986: 246) (О Херсоне);

– А.И. Бибикову, 1772 г.: «*Je m'ennuie ici dans les solitudes sans faire rien du tout*» / «**Скучаю в здешних пустынях без всякого дела**» (Суворов 1986: 24) (О Литве).

Приведенные контексты свидетельствуют еще об одной особенности суворовского понимания пространственных границ и географических характеристик мира: для данной языковой личности, по всей видимости, не существует жесткого деления на славянский и иной мир, мир для русского полководца делится на «свой» и «чужой». Границы своего мира не всегда совпадают с политическими границами Российского государства, они антропоцентричны, определяются через отношение к людям, населяющим то или иное пространство. При этом и в своем, и в чужом мире автор писем находит преимущества и недостатки, которые могут быть связаны с характером осуществляемой деятельности, окружающими людьми и т. п. Так, *пустыни* (речь идет о месте недалеко от Вильнюса), о которых говорится в приведенном выше письме, оцениваются отрицательно не только как географическая реальность, но и как место, в котором нет дела (чего А.В. Суворов не любил, предпочитая всегда быть занятым). Пример проявления «своего» мира и соответствующего к нему хозяйского отношения находим в письме 1790 г. Н.А. Суворовой, написанном в «чужом» Берладе (в Молдавии), где находилась штаб-квартира корпуса с военными припасами: *«У нас в поле и в лесу дикая петрушка, пастернак, свекла, морковь, салаты, трава – зеленые спаржи и иного очень много. Великие овощи еще не поспели и фрукты. Гуси маленькие ай да такие выросли большие! Караси белые больше скрыпки, стрепеты да дунайские стерляди и овечье толстое молоко»* (Суворов 1986: 197).

Другой стороной проявления славянского мира являются **персоналии**, представленные в письмах Суворова, которые условно можно разделить на **адресатов** писем и **лиц**, о которых пишет полководец.

Круг **адресатов** Суворова, к которым обращены письма на «славянские» темы, необычайно широк: от Академии наук и царствующих особ (*Екатерина II, польский король Станислав Август*) до известных деятелей Российского государства, таких как сослуживец Суворова, его покровитель, государственный деятель *Г.А. Потемкин*, полководец в период Русско-турецкой войны, которого Суворов считал учителем, *П.А. Румянцев*, *Г.Р. Державин*, *М.И. Кутузов*, командующий русскими войсками в Польше *И.И. Веймарн*, советник русского посла в Варшаве *Я.И. Булгаков*, военный и государственный деятель *А.И. Бибииков*, фаворит Екатерины II, получивший влияние после смерти Потемкина, *П.А. Зубов*, старший брат *П.А. Зубова*, муж дочери Суворова *Н.А. Зубов*, друг Суворова *Д.И. Хвостов*, дочь полководца *Н.А. Суворова (Зубова)* и др. Обращение к каждому из адресатов маркируется определенным образом в соответствии со статусом адресата, отношением к нему Суворова, тематической и жанровой направленностью послания (прошение, записка, личное письмо и т.п.):

– прошение Екатерине II о зачислении на военную службу, 1742 г.: *«Всепресветлейшая, державнейшая Великая Государыня Императрица Екатерина Алексеевна, самодержица Всероссийская, Государыня Всемилоостивейшая!»* (Суворов 1986: 392);

– польскому королю Станиславу Августу, 1794 г.: *«Sire! Je viens de recevoir la lettre, dont Votre Majesté m'a honoré du 4 novembre»* / *«Государь! Получил я письмо от 4 ноября, коим Ваше Величество меня почтили»* (Суворов 1986: 281);

– Г.А. Потемкину, 1773, 1787 гг.: *«Высокородный и Превозходительный г. Генерал-Маиор и Кавалер Государь мой!»* или *«Батюшка Князь Григорий Александрович! Простите мне в штиле, право силы нет, ходил на батарею и озяб»* (Суворов 1986: 26, 115);

– дочери Н.А. Суворовой, 1787, 1789 гг.: *«Любезная Наташа! Ты меня порадовала письмом от 9 ноября; больше порадуешь, как на тебя наденут белое платье; и того больше, как будем жить вместе»* или *«Цалую тебя, любезная Сестрица Суворочка»* (Суворов 1986: 122, 193).

Адресаты писем имеют разный социальный и национальный статус, а также значение в истории России и жизни самого полководца. Следует отметить, что адресаты писем легко становятся объектом описания (переходят в другой тип славянских персоналий – круг описываемых лиц), может меняться и их статус в глазах полководца. Так, например, в послании 1794 г. Платону Александровичу Зубову Суворов обстоятельно докладывает о положении дел в Польше, рассуждает о «практической истине»: *«В Польше начальникам нашим место того, чтоб быть в невежественной нерешимости и плавать в роскошах, надлежало соблюдать непрестанное бдение, перу их со-товариществовать их мечу и искру, рождающую пожар, последним в миг затушать»* (Суворов 1986: 270–271).

Однако в письме 1793 г. своему другу Дмитрию Ивановичу Хвостову Суворов пишет: *«Сателлиты П[етра] И[вановича] Т[урчанинова] тут только против меня орудие к интересам Г[рафа] Н[иколая] И[вановича] по Г[рафу] П[латону] А[лександровичу]»* (Суворов 1986: 250), – подразумевая, что интриги Зубова и Турчанинова являются причиной задержки денег, которых он ждет из Санкт-Петербурга.

В письме 1792 г. к государственному деятелю, секретарю Екатерины II Александру Андреевичу Безбородко Суворов характеризует Зубова, фаворита Екатерины, в руках которого при дворе сосредоточена большая власть, следующим образом: *«Но милое дитя мешает службе»* (Суворов 1986: 239), – отказывая ему в военной компетенции, считая, что служба ему доверена по принципу «чем бы дитя не тешилось...».

Круг **лиц**, описываемых Суворовым, характеризуемых им как «герои» или «злодеи», не менее широк. Среди них правящие монархи и

известные военные и государственные деятели славянских государств (чаще России и Польши), герои военных сражений и побежденные, пленные офицеры и солдаты, поверженные мятежники, обычные солдаты, служившие под командованием полководца, рядовые жители, близкие и знакомые полководца: *Екатерина II, Павел I, граф Борис Петрович Меллин*, кавалеристы которого осуществляли погоню за Пугачевым, *Емельян (Емелька) Пугачев, граф Румянцев, князь Репнин, граф Салтыков, Валериан, Николай и Платон Зубовы, генерал-майор Цицианов, граф Чернышев, князь Волконский, любимец Суворова полковник Фанагорийского гренадерского полка Василий Иванович Золотухин, предводители Польской конфедерации господа Пулавские, предводители отрядов конфедератов Заремба, Даманский, Коробейский, Пржендецкий, Мощинский*, крупный польский магнат *Франциск Браницкий*, полковник польских королевских войск *Леттау* (Летаво), бунтовщик *Костюшко / Косцюшко*, сербский бригадир *Милорадович*, полковник Сербского гусарского полка *Иван Древиц*, гетман *Огинский*, войсковой атаман *Степан Ефремов*, подполковник Воронежского драгунского полка *Алексей Елчанинов* (Ельчанинов), подполковник Санкт-Петербургского карабинерного полка *Иван Елагин*, майор *Ушаков*, командир казачьей сотни *Корнеевич*, ротмистр 3-го кирасирского полка *Иван Вагнер*, *Сава казак*, квартирмейстер, капитан Суздальского полка *Петр Васильев*, поручик Суздальского полка *Евсевьюшка Еремеев*, а также соседи и родственники Суворова – помещица *Варвара Петровна*, соседка *Матрена Антоновна* и др., дочь, реже жена и друзья полководца. Славянский мир Суворова предстает в совокупности разных персоналий, с которыми Суворову приходилось общаться по долгу службы, вследствие хозяйственной деятельности, по дружбе:

– генерал-губернатору М.Н. Кречетникову, 1770, 1771 гг.: «*Выпросите у графа сюда хотя б **Елчанинова**, пусть он обменяет его на полтысячи человек, коли Вы сами назад не будете*» (Суворов 1986: 13); «*Помощию Бога войски Ея Императорского Величества команды моей разбили **гетмана Огинского** внятеро сильные нас... **Гетман** ретировался на чужой лошади в жупане, без сапогов, сказывают так!*» (Суворов 1986: 21);

– генерал-квартирмейстеру И.И. Веймарну, 1770 г.: «*О **Зарембе** слышно, что он уехал лечитца в Шлезию, вся же шайка почитаетца ста два-три или ста три-четыре. К Пилицу – **Суак с Вилконским** малосильнее того; **Даманский** поудалился за Присухи, **Пржендецкий** с товарищи маловажен, **Коробейский** и **Мощинский** разбиты из Опатова **майором Ушаковым***» (Суворов 1986: 11);

– советнику Государственной коллегии иностранных дел А.И. Набокову, 1769 г.: «*Mrs. Pulawsky ont perdu leur pucelage, jamais ils n'ont*

été réellement battu» / «**Господа Пулавские** невинности лишились: в самом деле, никогда их так не разбивали» (Суворов 1986: 9);

– другу Д.И. Хвостову, 1796 г.: «У **К[нязя] Репнина** экзерциции нет, но приказано: тихий марш и залпы, опасное и вредное. Мои, кои к нему достались, очень пеняют» (Суворов 1986: 305);

– выполняющему поручения главнокомандующего И.М. Рибасу, 1788 г.: «*Si je vis, et serai chés le Prince, moi Russe, je ne souffrirai pas d'être offusqué par ces M[onsieu]rs, C[omt] Brfanitzky, P[rin]ce de L[igne] sont des personnes respectables*» / «Коли останусь жив, буду у князя. Я **русский**, не потерплю, чтоб меня теснили эти **господа. Граф Браницкий, принц Де Линь** – люди почтенные» (Суворов 1986: 167, 169);

– командиру летучего корпуса И.И. Моркову, 1794 г.: «...вся та куча мятежников, что чрез внезапное нападение в Минскую губернию нас всех там встревожила, 26-го сего августа под Любонью **Генерал-Маиором Цициановым** в плен взята...» (Суворов 1986: 277);

– крестьянам села Ундола, 1786 г.: «Ныне быть старосте на три года **Роману Васильеву** и вступить ему в эту должность с нового года. Ежели будет исправен, то его правление продолжится паче, ежели в его правление крестьяне разбогатеют, а паче того, коли из некоторых выгонит лень и учинит к работе и размножению скота и лошадей раделными, то в работах ему будет помощь...» (Суворов 1986: 108–109).

Разнообразие лиц и имен в письмах Суворова объясняет многообразие вариаций оценок, которыми он наделяет данные имена. При этом суворовская оценка не всегда совпадает с общепринятой, она может быть личностной. Для оценивания тех, с кем он встречается, общается, воюет, полководец применяет отнюдь не социально-статусные критерии. Славяне, как и другие народы и их представители, оцениваются по собственно суворовским критериям: противник является врагом только до тех пор, пока он не сложил оружие, к пленникам следует быть снисходительными; война должна быть четко подготовлена, продумана, по возможности бескровна, но не спонтанна; солдаты накормлены и здоровы, награждены за подвиги, храбры, терпеливы; командующие должны быть обучены военному искусству, проявлять заботу о вверенных им людях, не должны воровать. Многие из этих правил применимы и к гражданским людям: по его мнению, человек должен быть честен, занят делом и компетентен в нем. Здесь, как и при определении границ мира, Суворов делит людей, исходя из перечисленных (не национальных) параметров, на «своих» и «чужих». Характеристика «своих» отражена в письмах ближайшему сотруднику Потемкина В.С. Попову, 1788, 1789, 1790 гг.: «Что же это, голубчик: Егор Петрович П.

скончался? Вечное ему блаженство! Боже мой! место этого честного и верного человека лутче бы мы потеряли дюжину пустокоормов» (Суворов 1986: 132); «Долгой век Князю Григорию Александровичу! Он честный человек, он добрый человек, он великий человек! Щастье мое за него умереть!» (Суворов 1986: 190); «У меня Золотухин. Служба его непорочна, должности с трудами их в его должности замыкались, и храбрость его надлежала быть ограждена не одною смелостью, как часто в частных, но руководствуема искусством и мужеством» (Суворов 1986: 198);

– правителю канцелярии Потемкина П.И. Турчанинову, 1792 г.: «Бр[игади]р Танеев – честный человек. Попросите, чтоб выдал рубашки...» (Суворов 1986: 244).

«Чужие», как демонстрируют письма полководца, есть среди русских, поляков и др.:

– И.М. Рибасу, 1794 г.: «P[rince] D[olgoroukow] commande en Finlande et S[aint]-P[éters]*B[ourg] à la place du C[omte] I [van] S[altikow] qui ici est mal, y tramoit le grand personnage fut démasqué par le changement arrivé: j'y suis à mon ordinaire enroulé avec politesse» / «Князь Долго-руков командует в Финляндии и в Санкт-Петербурге вместо Графа Ивана Салтыкова, который здесь никуда не годится, а корчил из себя важного господина и был разоблачен происшедшею переменою...» (Суворов 1986: 269, 270);

– И.И. Веймарну, 1770 г.: «Genug ist der letzte Umstand von Opatow wo mich wieder ein Drewiz-Volk aushebt unter Romanische pretexten, eigentlich aber um sein haab u[nd] pack nach Cracau durchzubringen» / «Достаточно последней истории с Опатовым, где солдаты Древица опять испортили мне кровь, – под вымышленными предложениями собственно ради того, чтобы дать его трусливой сволочи добраться до Кракова» (Суворов 1986: 14, 16).

В этой связи представляется интересным отношение Суворова к мятежникам и бунтовщикам:

– Г.Р. Державину, 1774 г.: «О усердии к службе Ея Императорскаго Величества вашего благор[одия] я уже много известен; тож и о последнем от Вас разбитии киргизцев, как и о послании партии за сброднею разбойника Емельки Пугачева от Карамана...» и «Иду за реченным Емелькою, поспешно прорезывая степь» (Суворов 1986: 36, 38).

Как показывает анализ, Пугачев не удостоивается в письмах положительной оценки, именуется исключительно как бунтовщик, в то время как отношение Суворова к польскому мятежнику Костюшко двойственно, вопреки его статусу противника храбрость и воинские достоинства Костюшко заслуживают уважения:

– И.М. Рибасы, 1794 г.: «*Kostiuszko à Wola sous Warsowie, les Polonais dit-on s'y battent bien en escarmouches avec le Roi de Prusse qui devoit les battre en peu de jous en combat general*» / «*Костюшко в Воле, под Варшавою, поляки, по слухам, славно дерутся там в стычках с Прусским королем, которому должно бы их побить в несколько дней в генеральном сражении*» (Суворов 1986: 276, 277);

– И.М. Рибасы, 1794 г.: «*Ce malheureux avec q[uelque] chose des siens est là bloqué dans les bois...*» / «*Несчастный Костюшко с небольшим числом своих окружен в тамошних лесах...*» (Суворов 1986: 270);

– генералу-поручику И.П. Салтыкову, 1794 г.: «*Вследствие победы над мятежниками, одержанной в 29-й день сентября, которая тем важна, что и сам главный возмутитель Костюшко захвачен...*» (Суворов 1986: 280);

– графу П.А. Румянцеву, 1794 г.: «*В мятежнике довольно искусства!*» (Суворов 1986: 275).

В эпистолярии Суворова встречаются **наименования отдельных славянских народов и их представителей**. Они значительно уступают в количественном отношении наименованиям персоналий, однако имеют, как правило, не только (и не столько) номинативную функцию, но и характеризующую, что поддерживается общим контекстом письма. Такие номинации вызывают особый исследовательский интерес, так как демонстрируют представления конкретной языковой личности о славянских собратьях. К таким наименованиям (помимо нейтральных *русских, казаков*) можно отнести единицы *поляки* (а также *Польша* в метонимическом употреблении), *сарматы, кроаты, яны*.

Упоминания о *поляках* (в силу того, что значительное количество писем содержит описание отношений России с Польшей и внутри нее, ее разделения, русско-польского противостояния в целом) встречаются наиболее часто, отношение к ним варьирует, чаще в сторону негативного или ироничного:

– И.И. Веймарну, 1770 г.: «*Nach einen ehrlichen Streich in Lithauen wo ich bewiesen daß ich mit wenigen Volk ohngefahr so viel Buntowniks wie dererselben ein benannter Drewiz nach Groß-Pohlen eingelockt zu schlagen verstehe werde ich Post-Commisa.ir!*» / «*После честно нанесенного удара в Литве, где я доказал, что с немногочисленным отрядом умею разбивать столько же бунтовщиков, сколько заманил их в Великую Польшу вышеупомянутый Древиц, – я превращаюсь в почтового коммисара!*» (Суворов 1986: 14, 16);

– Г.А. Потемкину, 1790 г.: «*В высокославной прусской армии быстрая польская конница умокнет...*» (Суворов 1986: 196);

– Д.И. Хвостову, 1792 г.: «*Дальновидности сходны с польскою кратковидностью...*» (Суворов 1986: 237);

– Г.А. Потемкину, 1790 г.: «*Поляки двояки и переменчивы...*» (Суворов 1986: 200).

Второе обозначение поляков, которое встречается в письмах, – *сарматы* (так себя именовали представители высших польских кругов, намекая на их якобы существующее родство с древними сарматами и, соответственно, на особое противопоставление шляхты и простолюдинов), используемое, как правило, не оценочно, а как синонимичное к *полякам*:

– И.И. Веймарну, 1770 г.: «*Das schönste Vorwand war die Gefahr, da doch Opatow eine Mauer hat welche sicher einen Sarmatischen Anlauf von etwa gegen 700...*» / «*Лучшим предлогом служила опасность, хотя у Опатовой есть стена, которая наверное выдержит нападение 700 сарматов...*» (Суворов 1986: 14, 16);

– И.М. Рибасу, 1788 г.: «*...il y a une grosse disproportion entre les Sarmates et les Gaulois dans les mœurs par le local*» / «*Разница велика меж сарматами и галлами в местных нравах*» (Суворов 1986: 129, 130);

– подпоручику квартирмейстерской части Ф.Т. Матушинскому, 1794 г.: «*Крепок лагерь местом. Смотреть в оба. Сарм[аты] близко*» (Суворов 1986: 277).

Хорватов Суворов называет *кроатами*, по-видимому, из-за того, что в числе кроатов – воинов легкой австрийской конницы – было много хорватов; подобная номинация скорее свидетельствует не о национальной принадлежности, а о воинской (в этом еще раз проявляется особенность данной языковой личности – военного типа):

– записка А.В. Суворова о службе, 1790 г.: «*...к[нязь] Ю. Долг[оруков] полк[овник] кроат, коих не было*» (Суворов 1986: 394).

Очевидна и единичная в письмах номинация чехов *янами* (по имени наиболее известных представителей чешского народа – Ян Гус, Ян Благослав, Ян Амос Коменский и т.п.):

– И.П. Салтыкову, 1794 г.: «*...выступаю к Праге на янов и венгров, куда и корпусы Генерал-Порутчиков Ферзена и Дерфельдена имеют быть*» (Суворов 1986: 280).

Несмотря на незначительное противопоставление внутри славян, проявившееся в письмах полководца, противопоставление русских другим (неславянским) народам вполне отчетливо, при этом чаще в пользу суворовских соотечественников:

– дипломату, посланнику в Вене С.А. Колычеву, 1799 г.: «*В здешних землях и способах цесарцы сведущее российских в продовольствиях по неспособности россиян, изобильны в военной амуниции... Вера, язык, нравы – россияне в союзных влияют: бодрость, храбрость, мужество, терпение, трудолюбие, постоянство, глазомер, быстроту, импульзию*» (Суворов 1986: 372);

– П.А. Румянцеву, 1794 г.: *«Немцев не любят. Нас обожают»* (Суворов 1986: 284);

– И.М. Рибасу, 1788 г. *«Voici le mystere d'un ruse Angloamericain qui n'a presque pas de Patrie que son propre bien-etre. A cela, je suis le meme, franc et sincere, il est trop tard de me changer...»* / *«Вот тайна англо-американца, у коего вместо Отечества – собственное его благополучие. Я же как был – искренний, открытый, поздно уж мне переменяться»* (Суворов 1986: 153, 154);

– «Три воинские искусства»: *«У неприятеля те же руки, да русского штыка не знает»* (Суворов 1986: 399);

– «Наброски плана польской кампании», 1794 г.: *«Союзники ездят на российской шее. Король Прусский даже и варшавских мятежников обращает на россиян, если то не из газет взято»* (Суворов 1986: 396) (речь идет о прусских и австрийских войсках, которые не решились штурмовать Варшаву, перекладывая эту задачу на русские войска).

Славянский мир запечатлен в письмах исследуемой языковой личности посредством использования иноязычных слов, обозначающих реалии славянского (преимущественно польского) мира: **конфедерат** – участник конфедераций, временных политических союзов вооруженной шляхты в Польше для защиты своих сословных интересов (польск. *konfederat*) (Крысин 2003: 355); **ксендз** – польский католический священник (польск. *ksiądz*) (Крысин 2003: 372). Так, в письме 1768 г. своему петербургскому приятелю И.Н. Дернову Суворов пишет об А.И. Набокове, отправившемся на войну в Польшу: *«Супруга Алексея Ивановича от прокурорши сведение имеет, что он поехал на войну против конфедератов»* (Суворов 1986: 7).

Существительное **ксендз** отмечено в адресованном генерал-поручику Ю.Б. Бибикову письме 1772 г., в котором полководец с нескрываемым раздражением и горечью выражает неудовольствие по случаю захвата французами и польскими конфедератами Краковского замка из-за беспечности его коменданта полковника В.В. Штакельберга: *«...здесь, как в знакомом ему месте, ксендзы и бабы голову ему весьма повредили... Опасаясь, чтоб ксендзов и баб никогда не тревожить, разрядил он ружья...»* (Суворов 1986: 21–22).

Кроме того, полководец активно использует заимствованные из польского или претерпевшие польское посредничество ксенолексемии, такие как **амуниция** – снаряжение военнослужащего (кроме оружия и одежды) (польск. *amunicja*); **вензель** – сочетание начальных букв имени и фамилии или имени и отчества в виде вязи (польск. *węzeł* – узел); **поручик** – военный чин, лейтенант (польск. *porucznik*); **трактовать** – рассуждать (польск. *traktować*); **цидула** (*цыдуля, цыдулка*)

– записка (польск. *ceduła*); *шкатула* (*шкатулка*) – небольшой ящик для ценных вещей (польск. *szkatuła*) и др. (Конончук 2007).

Указанные единицы, отмеченные в многочисленных контекстах писем А.В. Суворова, относящихся к разным периодам его жизни, дают представление о военных и мирных реалиях славянского мира:

– С.А. Колычеву, 1799 г.: «В здешних землях и способах цесарцы сведущее российских в продовольствиях по неспособности россиян, изобильны в военной **амуниции**...» (Суворов 1986: 371–372);

– Д.И. Хвостову, 1791 г.: «О **вензеле** Наташи не упоминайте, будет вязать обещаниями» (Суворов 1986: 22–23);

– И.И. Веймарну, 1770 г.: «По просьбе из Рубешова разбирательство г. полковником Штакельбертом почти кончено; только еще требуется дополнение **поручика** Веденяпина...» (Суворов 1986: 12);

– И.П. Салтыкову, 1773 г.: «Полно, опять записался, письмо – **цыдулка**, не рапорт» (Суворов 1986: 28).

Тематический охват вышеперечисленной лексики, ее активное употребление автором писем в первую очередь свидетельствуют о роли славянских (преимущественно польского) языков в формировании словаря русского языка второй половины XVIII в., однако, судя по ним, можно говорить о том, в какой степени отрефлексированы конкретной исторической личностью реалии славянского мира, а также о широком кругозоре полководца и его языковой компетенции в целом.

Таким образом, славянские реалии широко представлены в эпистолярии Суворова как свидетеля неоднозначного и сложного периода истории России, изменений в ее политике, языке и культуре в целом, периода, наполненного событиями, связанными с переделом славянского и соседних миров, многочисленными контактами русских с иными народами. Это отразилось и в многоязычии представителей высшего сословия.

Исходя из анализа писем А.В. Суворова, можно сделать вывод, что «славянский» фрагмент его картины мира представлен *тематически* (через его эпистолярное общение с представителями разных славянских народов, обсуждение военных кампаний и воинской службы в целом, реже мирной жизни), *лексически* (через активное использование славянских топонимов, через описание географических реалий – рек, рельефа местности, погоды, упоминание славянских персоналий – адресатов и персонажей писем, преимущественно русских, польских, которыми могут являться отдельные личности и народы в целом, через использование ксенолексем, отражающих славянские реалии), *контекстуально* (через сравнение и оценивание реалий и персоналий в личностном, социальном, общечеловеческом, реже

национальном, планах, через придание единицам, их называющим, особых коннотативных смыслов).

Как у личности военного типа в центре славянского мира Суворова находятся реалии и персоналии, имеющие непосредственное отношение к воинской и государственной службе; мирная жизнь, ее бытовые и иные проявления оказываются на периферии. Анализ материала позволяет утверждать, что славянский мир исследуемой личности имеет свои границы, которые определяются не с национальных, а с военно-политических, государственных позиций. При этом славянский сегмент является лишь одной из составляющих данного пространства. Этот мир антиномичен: его представители делятся на «своих» и «чужих». Отнесенность к первым определяется исходя из простых человеческих понятий о чести, честности, справедливости, смелости, гуманности, прилежности, трудолюбия, воинской и иной компетентности и любовью к Отечеству. Сказанное позволяет характеризовать «славянский» фрагмент картины мира исследуемой личности как сложный и неоднозначный, соединяющий общие для эпохи представления о славянах с индивидуальными воззрениями русского полководца на своих собратьев.

ЛИТЕРАТУРА

Биржакова 1972 - Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972. 431 с.

Иванцова 2005 - Иванцова Е.В. Источниковая база лингвоперсонологии: Реальность и стратегии развития // Сибирский филологический журнал. 2005. № 3. С. 61–70.

Конончук 2007 - Конончук И.Я. Письма А.В. Суворова как источник изучения заимствованной лексики и процессов ее адаптации: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2007. 308 с.

Крысин 2003 - Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Рус. яз., 2003. 256 с.

Никитин 2004 - Никитин О.В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 740 с.

Суворов 1986 - Суворов А.В. Письма. М.: Наука, 1986. 808 с.

REFERENCES

Birzhakova, E.E., Voynova, L.A. & Kutina, L.L. (1972) *Ocherki po istoricheskoy leksikologii russkogo yazyka XVIII veka. Yazykovye kontakty i zaimstvovaniya* [Es-

says on the historical lexicology of the Russian language of the 18th century. Language contacts and borrowings]. Leningrad: Nauka.

Ivantsova, E.V. (2005) *Istochnikovaya baza lingvopersonologii: Real'nost' i strategii razvitiya* [Source base of linguopersonology: Reality and development strategies]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. 3. pp. 61–70.

Kononchuk, I.Ya. (2007) *Pis'ma A.V. Suvorova kak istochnik izucheniya zaimstvovannoy leksiki i protsessov ee adaptatsii* [A.V. Suvorov's letters as a source of studying borrowed vocabulary and the processes of its adaptation]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

Krysin, L.P. (2003) *Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov* [Explanatory Dictionary of Foreign Words]. Moscow: Russkiy yazyk.

Nikitin, O.V. (2004) *Delovaya pis'mennost' v istorii russkogo yazyka (XI–XVIII vv.)* [Business writing in the history of the Russian language (the 11th – 18th centuries)]. Philology Dr. Diss. Moscow.

Suvorov, A.V. (1986) *Pis'ma* [Letters]. Moscow: Nauka.

Конончук Инесса Яковлевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Kononchuk Inessa - Tomsk State University (Russia).

E-mail: ineskon@mail.ru

Филь Юлия Вадимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета (Россия).

Fil Yulia - Tomsk State University (Russia).

E-mail: 2fil@inbox.ru